

Б.К.Аязбаева

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

К вопросу о языковой личности в переводном художественном тексте

В статье автор, пользуясь данными лексикографической представленности понятий «человек» и «множество», попытался проследить, как развивалась языковая личность в историческом ракурсе на примере переводного художественного текста. В процессе исследования на основе анализа характера, форм, количественной представленности тематической группы «человек» и форм сопряженности этого понятия с понятием «множество» выявлена специфика национального мировосприятия носителей казахского и русского языков, определено место сопряженных понятий «человек» и «множество» в национальной языковой картине казахского и русского народов.

Ключевые слова: языковая личность, переводный художественный текст, личность, мотивы поведения, концепт, когнитивный уровень, интеллектуальная сфера, лексикографическое описание, антропоцентризм, общественно-политическая лексика, лексема, устная речь, архисема.

Согласно данным психологии, личность — сложное целое, но в нем можно выделить три основные стороны, или три блока. Первый блок — направленность личности, система ее отношений к окружающему миру. Сюда включаются мотивы поведения личности (мотивами называют причины, побуждающие личность к тому или иному поведению, к той или иной деятельности), в частности, потребности, чувства, интересы. Второй блок — это возможности личности, психологические предпосылки успешности ее деятельности (в частности, способности). Третий блок — стиль, психологические особенности поведения личности (темперамент и характер). Иными словами, личность характеризуется тем, как действует человек и почему он действует так, а не иначе [1; 58].

Что касается языковой личности, то вслед за Ю.Н.Карауловым мы понимаем ее как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых текстов, которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью [2, 3]. Структура языковой личности представляется состоящей из трех уровней: 1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя — традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания — к знанию, сознанию, процессам познания человека; 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире [2; 5].

Первый и второй уровни структуры языковой личности в нашем исследовании были основаны на лексикографическом описании формальных средств выражения значений «человек один» и «человек не один» в казахском и русском языках. Антропоцентризм языка усматривается в том, в какой

степени и в какой форме основные репрезентируемые в языке понятия соотносятся, сопрягаются с человеческим фактором. В нашем исследовании это эксплицировано в понятиях «человек» и «множество».

Обзор научной литературы, посвященный изучению понятия «человек», свидетельствует об актуальности вопроса о представленности фундаментального понятия «человек». Так, Ю.С.Степанов, наряду с другими, рассматривает концепт «человек» как предмет русской культуры: «... концепт «Человек» приобретает разные «измерения», «параметризуется». Ничто так не параметризовано, как человек. Сотни, если не тысячи, слов в каждом языке — это название одного и того же — «человека», но в зависимости от его разных «параметров» [3; 697]. Р.И.Розина осуществляет анализ концептов «человек» и «личность» [4; 52–56]. Типы номинаций для обозначения статусов лица рассматриваются в работе Н.И.Мигириной [5]. Л.В.Чернышова проводит исследование образа человека по данным русской паремиологии [6; 273–282]. Г.А.Крюкова анализирует русское слово на материале концепта «государство» в социолингвистическом аспекте [7; 238–242]. Ю.А.Бельчиков исследует общественно-политическую лексику В.Г.Белинского, сравнивая употребление слов со значением «множество людей» [8]. В.В.Новицкая, рассматривая понятие «множество» в системе имен существительных, делит микросистему лексических средств выражения множества на четыре класса, среди которых выделяет и совокупность людей: «Наиболее сложную структуру в микросистеме имеет класс лексем с идентифицирующей семемой «совокупность людей» [9; 42].

В процессе исследования на основе анализа характера, форм, количественной представленности тематической группы «человек» и форм сопряженности этого понятия с понятием «множество» выявлена специфика национального мировосприятия носителей казахского и русского языков, определено место сопряженных понятий «человек» и «множество» в национальной языковой картине казахского и русского народов. Далее определены ядерные и периферийные лексемы, в семантике которых сопряжены понятия «человек» и «множество», выявлены сходства и различия в характерах, формах сопряженности понятий «человек» и «множество» в казахском и русском языках, осуществлена интерпретация результатов исследования в рамках проблемы «язык и культура» с целью определения места понятия «человек» и «множество» в национальной языковой картине казахского и русского народов. Так, сопоставление лексем выявило разную картину качественной представленности исследуемых лексем. В семантическом аспекте лексемы представлены достаточно широко. Особенностью семантической структуры лексико-семантического варианта ядерной лексемы казахского языка является взаимосвязанность сем «человек» и «количество», отличительная особенность ядерной лексемы русского языка — реализация сем «человек» и «количество» в разных словах, а также продуктивность в образовании парных слов в устаревшем значении.

В казахском языке понятие «человек» наполнено определенным социальным содержанием. В традиционной казахской культуре человек прежде всего член общества, в нем преобладает общественное начало. В казахском языке, в отличие от русского, ядерная лексема *адам* во 2 и 3 значениях имеет собирательное, обобщенное значение и предстает перед нами как совокупность лиц: человечество, большинство. В традиционной казахской культуре *адам* прежде всего член общества, в нем преобладает общественное, коллективное начало, поэтому в казахском языке понятие «человек» наполнено социальным содержанием в большей степени, чем в русском. Ядерная лексема *адам* параметризует идеальное значение — «человек, какой он должен быть». В базовых номинациях понятия «человек» наблюдается параметризация в зависимости от совокупности индивидуальных качеств, а также от принятых национальных форм поведения — почитания старших по возрасту, гостеприимства; мировосприятия; фактора времени; языковой ситуации; физических и духовных качеств; сферы и цели общения.

В русском языке лексема *человек* достаточно широко реализуется в первом значении, что обусловлено обобщенным характером данного значения. Актуальным и продуктивным в языке является и второе значение слова, обозначающее равноправного члена общества, обладающего высокими моральными и интеллектуальными качествами. Концепт *человек* приобретает разные «измерения», «параметризуется»: в физическом и духовном планах, в духовном плане, в зависимости от общественных отношений, от совокупности характерных признаков, от политических и общественных интересов, а также может иметь терминологизированное значение. Отличительной особенностью ядерных лексем русского языка является их суммарная непродуктивность в образовании пословиц и поговорок, при этом все исследуемые лексемы, в отличие от лексем казахского языка, являются компонентом фразеосочетаний.

Ядерные лексемы казахского и русского языков употребляются преимущественно в научной, официально-деловой письменной и устной речи, в публицистическом и разговорном стилях. Большинство фразеосочетаний и производных данных слов являются стилистически маркированными и употребляются в качестве терминов в области литературы, философии, дипломатии, социологии.

В исследуемых языках выявлены эквивалентные лексемы, которые в количественном и качественном плане представлены по-разному. Как в казахском, так и в русском языках имеются лексемы более или менее продуктивные в семантическом, словообразовательном и фразеобразовательном планах. Сопоставительный анализ производных эквивалентных лексем показывает, что в казахском (в большей степени) и русском (в меньшей степени) языках семантика производных шире, чем семантика зафиксированной в словаре лексемы.

Сопоставляемые языки имеют общие словообразовательные значения, однако различаются степенью продуктивности и характером словообразовательных значений.

В работе исследовались имена существительные казахского и русского языков, в которых понятие «человек» представлено как полное и неполное множество людей, при этом они обозначают соответственно абсолютное и относительное количество людей. Они объединяются в лексико-семантическую микросистему на основе ядерного значения «человек не один». В сопоставляемых языках выявлено большое количество лексем со значением «множество», при этом архисема «человек» присутствует в них эксплицитно или имплицитно. В сопоставляемых языках между ядерными номинациями понятия «человек» наблюдаются привативные и эквиполентные оппозиции. Наиболее характерными отношениями между исследуемыми объектами являются гиперо-гипонимические отношения, отношения «род–вид», «часть–целое», «элемент–множество». Класс исследуемых лексем имеет сложную структуру, обусловленную семантическими оппозициями один–много, положительное–отрицательное, реальное–идеальное, желательность–нежелательность, свобода–необходимость, развитие–преемственность, свое–чужое (не свое), наличие–отсутствие, начало–конец, зависимость–независимость и другие. На данные оппозиции могут накладываться оппозиции лексем по сфере их употребления (нейтральные, терминологические, разговорные и другие), функционирования в речи (устаревшие, диалектные, специальные и другие). Сопряженность понятий «человек» и «множество» присутствует в большей части исследуемых объектов и представлена в сопоставляемых языках как лексическими номинациями, так и описательными единицами. Наиболее ярко и богато сопряженность представлена в казахском языке.

Третий уровень структуры языковой личности предполагается рассмотреть на тексте художественного характера, в частности на переводном тексте романа И.Есенберлина «Кочевники». «Лингвокогнитивный план дискурса связан со знаниями и представлениями языковой личности. Изучение авторского контекста основано на взаимодействии ментальных и языковых структур, на системе отношений «мышление–язык–речь». Высший, мотивационный, уровень устройства языковой личности более подвержен индивидуализации и потому менее ясен по своей структуре. Прагматикон личности, т.е. уровень, соотносящий мотивы, установки, цели с речевым поведением, заслуживает особого внимания» [10; 697].

По мнению С.Е.Никитина, языковое сознание реализуется в речевом поведении. Поэтому, говоря о языковом сознании личности, следует иметь в виду те особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности. Языковое самосознание является частью культурного самосознания. Между сознанием элементов языка и других элементов культуры нет четко выраженной границы. В переломные исторические эпохи родной язык становится символом национального самосознания. Существенно также, что осознание элементов языка или языковой структуры текстов совершается теми средствами и идет по тем путям, которые предоставляет личности культура [11; 34, 35]. Так, в исследуемом тексте романа перед нами предстает языковое самосознание в обобщенном виде, что составляет сущность человеческого мышления. Эта сущность отложилась в языке, сказалась на речевом поведении языковой личности целого народа, т.е. проявилась в языковом сознании и самосознании. Главными свойствами здесь являются опора на опыт предшествующего поколения, подчинение исторической ситуации и определенным сложившимся этическим нормам, обычаям, традициям. Лингвистическим свидетельством этой социальной особенности может служить ряд маркированных временем слов *султан, десятник (онбасы), жузбасы, мынбасы, темник, нойон, улус, племена, жуз, род, хан, чингизид, импрат, батыр, джигит, торе,*

жырау, бек и др.; словосочетаний *золотоордынский престол, чингизидовские роды, ханский титул, степные разрозненные роды* и др. Это наблюдается и в употреблении лексем со значением «человек» и «совокупность людей» или их составляющих. Для примера приведем общие характеристики или выразительные фрагменты проявления национального сознания народа или отдельно взятой личности в период процесса объединения казахских племен после распада империи Тимура, борьбы с иноземными завоевателями из первой книги трилогии И.Есенберлина в переводе М.Симашко [12].

1. *В одном котле невозможно варить головы сразу двух баранов. И кому довелось встретить двух волков, которые бы не передрались из-за ягненка?*

2. *Семнадцать лет от роду был поднят на белой кошме Абулхаир в знак провозглашения его ханом. Птица счастья опустилась на его голову, и в жертву принесен был белый верблюд. Но чем выше поднимается по лестнице славы человек, тем больше становится у него врагов.*

3. *Львиное сердце должно быть у того, кто правит людьми и берет на себя ответственность за них перед богом.*

4. *Пусть руки отпадут у того, кто не радеет за родственников.*

5. *Людская молва чернит похуже сажу.*

6. *Можно отрубить голову, но нельзя отрубить язык.*

7. *«О изменчивый мир!.. Сейчас, пока их жизнь в моих руках, они сгибаются в три погибели. А попробуй хоть на минуту обессилеть среди людей. Как от прокаженного, побегут тогда от тебя, и самый последний из них тут же переломает тебе спину! Такова жизнь, и изменить ничего нельзя...»*

8. *Нет на свете мук сильнее, чем болезненная мания преследования.*

9. — *Пусть каждый скажет, что думает!* — предложил Джаныбек.

У казахов издавна учили так сыновей. И хоть немудреная была эта школа, но знания оставались на всю жизнь, а потом передавались следующему поколению. Младшим нельзя говорить раньше старших.

10. *Вся степь присудила ему эту вескую приставку — жырау.*

11. *Когда люди обрастают жирком, их не поднимешь и плетью.*

12. *Перед смертью отступает все — вражда, зависть и прочие страсти бренного мира.*

13. *Нужно делать свое дело, и если оно действительно имеет смысл, то не грозит ему забвение.*

14. *Но не только о сегодняшнем дне следует думать человеку, строящему государство...*

15. *Одним лишь страхом хочет он сковать людей в единое государство. Недолговечный это клей — человеческий страх. Да и суровость лишь тогда приносит плоды, когда идет в ногу со справедливостью. Малейшее лукавство или отступление от правды — и жестокое самовластие выступает наружу, чтобы похоронить в скором времени все под собой. Разве не показал его предок Чингисхан, что это прямой путь к национальному вырождению?*

16. *Только теперь поняли люди то, что раньше понимали лишь отдельные дальновидные вожди и народные жырау-прорицатели. Без сильного единого государства не останется на земле казахов.*

17. *Завет отца своего, Джаныбека, помнил он: не может существовать казахское государство без своих городов. Долгая и жестокая предстояла борьба, но другого выхода не было...*

18. *Чего только не видела казахская степь, каких потрясений не пережила за свою многовековую историю! Кажется, не было на земле завоевателей, которые не прошли бы по ней с огнем и мечом. Но, как прямая копытами трава, снова расправлялся и оживал народ. Да, покуда корни в родной земле, не вырвать, не вытоптать его. Снова и снова оживет он!*

В приведенных выше примерах переводного художественного текста исторической трилогии показаны социальные, групповые и собственно индивидуальные черты. Совокупность данных черт определяет исторический языковой образ эпохи разединения казахов и междоусобных войн.

Исходя из приведенных выше примеров можно говорить об эволюции казахской языковой личности. Следовательно, речь идет о взаимосвязанности параметров исторической и современной личности относительно жизненных идеалов, иерархии ценностей в картине мира и моральных принципов, основанных на любви к родной земле, приоритете национального благоустройства, а также консолидации сил и возможностей в строительстве государства.

В данных ниже фрагментах, на наш взгляд, сделаны чрезвычайно важные характеристики языковой личности в плане речевого поведения, раскрывающие индивидуальность говорящего, его характер, намерения, жизненные ценности, моральные нормы. Читатель воспринимает психологиче-

скую и социальную характеристики говорящего, вычитывая из них дополнительную экстралингвистическую информацию.

1. *Через некоторое время он услышал топот проехавших мимо коней и голос дочери:*

— *Напрасно удержал ты мою руку... Попались бы к нему в лапы, он бы не пощадил!..*

— *С женщиной, убившей родного отца, не мог бы я пробыть и одной ночи!*

Мужское хладнокровие было в голосе говорившего, и хан понял, что это батыр Саян.

— *В таком случае убей его сам!*

— *Какая женщина с чистым сердцем назовет мужем человека, убившего ее отца?*

— *Я не могу прийти с оружием на похороны брата, — тихо отвечал султан Жунус. — Что скажут люди!..*

2. — *Нет, я не требую отпустить его. Но чтобы решить его судьбу, необходимо созвать совет. Мы же не разбойники, а государство, и не к лицу нам подавать примеры беззакония...*

3. — *Нет лекарства от моего недуга, раз не нужен я стал родной земле!.. Смерти заслуживает мой поступок с этими людьми, но что для меня смерть?.. Никогда я не боялся ее и теперь не испугаюсь. Самое страшное наказание выбрал я для себя, и не оставлено мне другого пути. Завтра я навсегда покину родную степь.*

Итак, «в выборе языковой личности в качестве объекта лингво-психологического изучения заложена потребность комплексного подхода к ее анализу, возможность и необходимость выявления на базе дискурса не только ее психологических черт, но и философско-мировоззренческих предпосылок, этнонациональных особенностей, социальных характеристик, историко-культурных истоков» [2; 7].

Таким образом, в статье, пользуясь данными лексикографической представленности понятий «человек» и «множество», мы попытались проследить, как развивалась языковая личность в историческом ракурсе на примере переводного художественного текста.

Список литературы

- 1 *Крутецкий В.А.* Психология. — М.: Просвещение, 1980. — 352 с.
- 2 *Караулов Ю.Н.* Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и личность.* — М.: Наука, 1989. — 216 с.
- 3 *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. — М.: Академ. проект, 2001. — 990 с.
- 4 *Розина Р.И.* Человек и личность в языке // *Логический анализ языка. Культурные концепты.* — М.: Наука, 1991. — 204 с.
- 5 *Мигирова Н.И.* Типы номинаций для обозначения статусов лица в современном русском языке. — Кишинев: Штиинца, 1980. — 91 с.
- 6 *Чернышова Л.В.* Образ человека по данным русской паремииологии // *Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ.* — СПб., 30 июня — 5 июля, 2003. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений / Под ред. Н.О.Рогожиной, В.В.Химика, Е.Е.Юркова. — СПб.: Политехника, 2003. — 355 с.
- 7 *Крюкова Г.А.* Социолитингвистический аспект русского слова на материале концепта «государство» // *Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ.* — СПб., 30 июня — 5 июля, 2003. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений / Под ред. Н.О.Рогожиной, В.В.Химика, Е.Е.Юркова. — СПб.: Политехника, 2003. — 355 с.
- 8 *Бельчиков Ю.А.* Общественно-политическая лексика В.Г.Белинского. — М.: Изд-во МУ, 1962. — 132 с.
- 9 *Новицкая В.В.* Лексические средства выражения множества // *Исследования по семантике русского языка.* — Уфа, Изд-во БГУ, 1974. — С. 40–52.
- 10 *Иргебаева А.Б.* Концепт Жизнь/Смерть в творчестве Л.Н.Толстого (лингво-когнитивный аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 2001. — 26 с.
- 11 *Никитин С.Е.* Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // *Язык и личность.* — М.: Наука, 1989. — С. 34–40.
- 12 *Есенберлин И.* Кочевники: Историческая трилогия / Пер. с каз. М.Симашко. — Алма-Ата: Жазушы, 1986. — 672 с.

Б.К.Аязбаева

Аударма көркем мәтіндегі тілдік тұлға мәселесі жайлы

Мақалада «адам» мен «көптік» ұғымдарының лексикографиялық көрінісі негізінде көркем аударма мәтіні мысалында тарихи ракурста тілдік тұлғаның дамуын қарастырады. Зерттеу авторлық контексті талдауға негізделген, ол тілдік және ментальдік құрылымның байланысына, «ойлау–тіл–сөйлеу» қарым-қатынастардың жүйесіне тоқталады. Тілдік тұлға индивидуалдыққа бейім, сондықтан ол құрылым жағынан анық емес деп, автор оның құрылымының мотивациялық деңгейін сараптайды.

In the article author traces the progress of the lingual personality in historical fore shooting by example of translated fiction text on the base of the lexicographical representations of the «human» and «multitude» concepts. Research based on the studying of the author's context which leans on the interaction of mental, lingual structures and on the system of relations «thinking–language–speech». Author analyzes the motivational level of lingual personality's structure which can be more affected by individualization and accordingly is less clear in it's structure.

УДК 243027

С.М.Куанышева

*Казахский государственный юридический университет, Астана***Фразеологическое калькирование с английского языка как результат конвергентного влияния**

В статье рассматривается способ калькирования фразеологизмов как результат конвергентных преобразований. Автор отмечает необходимость отдельного исследования фразеологических калек и заимствованных слов. Исследуются также особенности изменения структуры иноязычных слов, калькирование изменения состава, фразеологизмов в процессе владения родным языком.

Ключевые слова: контактирование языков, заимствование, калькирование, фразеологические кальки, анализ.

Глобализация культур и языков во всем мире способствует усилению языковых контактов этносов. В результате длительных и перманентных контактов между ними может происходить заимствование из одного языка в другой, а также конвергентное сближение языков. Контактное взаимодействие языков многообразно по степени воздействия одного языка на другой — от заимствования до полного слияния. Л.В.Щерба разграничивает три типа контактирования языков и их смешения: 1) заимствования в собственном смысле слова, перенесенные данным языком из иностранных языков; 2) изменения в том или ином языке, которыми он обязан влиянию иностранного языка. Это, скажем, калькирование, например, кальки с латинского, немецкого и славянского языков по греческим образцам: *conscientia*, *Gewissen* (совесть); 3) факты, являющиеся результатом недостаточного освоения какого-либо языка [1; 60, 61].

Действительно, заимствования и кальки можно рассматривать как следствие контактирования языков. Но эти явления следует отличать друг от друга. В основу разграничения этих понятий положен характер воспринимаемых или уже воспринятых в языке-реципиенте сторон языкового знака. В том случае, когда язык-приемник использует элемент, материально сходный с элементом языка-источника (семантическое соответствие при этом может быть частичным), говорят о материальном или формальном заимствовании или просто о заимствовании. В случае, когда какой-либо значимый элемент воспринимающего языка строится по аналогии с функционально соотносимым элементом языка-источника, говорят о кальках. А между тем не все ученые различают заимствования и кальки. Так, О.С.Ахманова считает, что кальки представляют собой заимствование путем буквального перевода (обычно по частям иноязычного слова или оборота речи) [2]. Л.П.Ефремов трактует кальки как